

Саракаева Элина Алиевна, Лебедева Ирэна Валерьевна

АНАЛИЗ ОБРАЗА ДИТРИХА БЕРНСКОГО В "ПЕСНЕ О НИБЕЛУНГАХ": АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Авторы статьи сопоставляют интерпретации ведущими медиевистами образа Дитриха Бернского в эпической поэме "Песнь о Нибелунгах" и предлагают ряд наблюдений, основанных на контент-анализе и этимологическом анализе текста. Авторы доказывают, что в отличие от распространенного понимания образа Дитриха как единственного положительного персонажа "Песни", автор поэмы не рисует его носителем высшей морали и не ставит над остальными персонажами в аксиологической или этической перспективе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 1(55): в 2-х ч. Ч. 1. С. 60-64. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

A LANDSCAPE SPACE IN THE PERCEPTION OF MALE CHARACTERS IN THE MARI STORIES OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY

Ryabinina Marianna Vladimirovna
Mari State University
mari.riabinina@yandex.ru

The article is devoted to the consideration of a landscape space in the perception of male characters in the Mari stories of the second half of the XX century, by means of which the complex world of human emotions, thoughts and feelings is revealed. Also the possibilities of the creation of the main types of ethnical character, gender consciousness and behavior are analyzed.

Key words and phrases: the Mari literature; story; landscape space; male character; gender-psychological aspect.

УДК 821.112.2

Авторы статьи сопоставляют интерпретации ведущими медиевистами образа Дитриха Бернского в эпической поэме «Песнь о Нибелунгах» и предлагают ряд наблюдений, основанных на контент-анализе и этимологическом анализе текста. Авторы доказывают, что в отличие от распространенного понимания образа Дитриха как единственного положительного персонажа «Песни», автор поэмы не рисует его носителем высшей морали и не ставит над остальными персонажами в аксиологической или этической перспективе.

Ключевые слова и фразы: «Песнь о Нибелунгах»; «Сага о Тидреке»; Дитрих Бернский; Хаген Тронье; Кримхильда; Этцель; честь; престиж; социальный статус.

Саракаева Элина Алиевна
Хайнаньский государственный университет, КНР
269865292@qq.com

Лебедева Ирэна Валерьевна
Каспийский институт морского и речного транспорта
irenalebedeva@mail.ru

АНАЛИЗ ОБРАЗА ДИТРИХА БЕРНСКОГО В «ПЕСНЕ О НИБЕЛУНГАХ»: АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Написанная в начале XIII века «Песнь о Нибелунгах» – величайшее произведение мировой литературы, жемчужина германской эпической поэзии. Интригующий сюжет, тонкая психологическая проработка образов, потрясающий трагизм развязки – все это обеспечило поэме неувядающий интерес среди читателей и ученых исследователей. Содержание поэмы исследовалось методами самых разных научных дисциплин – истории, литературоведения, психологии, лингвистики. Авторы настоящей работы приводят краткий обзор интерпретаций ведущими «нибелунговедом» одного из центральных образов поэмы – Дитриха Бернского и предлагают собственное понимание этого образа, основанное на этимологическом и контент-анализе текста поэмы.

На первый взгляд, образ Дитриха Бернского в поэме предстает безусловно привлекательным: в мире, сошедшем с ума, он единственный сохраняет трезвость и самообладание. Не удивительно, что многим исследователям поэмы Дитрих кажется единственным положительным персонажем, наделенным всеми достоинствами и ни одним недостатком. Берг Нагель называет победу Дитриха над Хагеном в финале поэмы «торжеством высшей морали», а самого Дитриха – представителем рыцарственного христианства [12, S. 262]. Готфрид Вебер видит в Дитрихе воплощение «нового духа», который приходит на смену устаревшему языческому героизму [15, S. 170].

Оригинальную модель предлагает Хьюго Беккер, автор ряда статей и монографии, посвященной литературному анализу «Песни о Нибелунгах». Сравнивая образы бехларенского маркграфа Рюдигера и Дитриха Бернского, Беккер основную разницу между этими персонажами видит в том, какое место в их жизни и менталитете занимает *fröide* – «веселье» [5]. Тогда как многие исследователи согласны, что «веселье» является одним из основных концептов «Песни о Нибелунгах» (наряду с другими, не менее значимыми концептами, такими как *triuwe* «верность», *êre* «честь», *leit* «страдание», *liebe* «любовь», *dienst* «служба», *höher muot* «высокий дух» и пр.) [10], Беккер придает этому понятию ключевое значение в своем анализе образов Рюдигера и Дитриха. С его точки зрения, маркграф Рюдигер просто одержим «весельем», он фактически видит в нем смысл своего существования, и это оказывается ошибочной жизненной стратегией – герой все время предается самообману, игнорируя факты реальности в погоне за «весельем», что в конечном итоге приводит к его гибели. Дитрих же, как полагает Беккер, занимает более уравновешенную позицию – он тоже стремится к «веселью», но не ради удовлетворения собственных эмоциональных потребностей, а в качестве эффективного инструмента поддержания социального баланса [5, p. 246].

Когда бургунды игнорируют его предупреждение об опасности, Дитрих «уходит в себя» и остается там на протяжении всех последующих сцен. Эта отчужденность проистекает, по мнению Беккера, из предыдущего

опыта короля-изгнанника. Пережив страдания и потери и оправившись от удара, Дитрих знает, что «за радость испокон веков страданьем платит мир» [3, с. 249]. Справившись с отчаянием, Дитрих вышел из него стойким, не склонным искать утешения в радостях и развлечениях королевского двора. Он ставит перед собой задачу выполнять свой долг, оказывать гостеприимство, давать дары, но не верить в «веселье» и потому держится в стороне от событий и людей.

Жизненная позиция, которую Беккер приписывает Дитриху, кажется самому исследователю не только достойной уважения, но и прямо героической: «Эквилибриум, который давно уже создал для себя Дитрих, придает ему героизма, которого уязвимо Рюдигеру никогда не достичь» [5, р. 251]. В заключение исследователь называет Дитриха самым зрелым из персонажей поэмы. Зрелость Дитриха, как явствует из анализа Беккера, проявляется в его позиции декларированного нейтралитета, которую он мастерски сохраняет, пока окружающий мир летит в хаос, и нарушает только в самых последних эпизодах поэмы, когда уклоняться от вооруженного столкновения становится просто невозможно.

Красивая теория Беккера имеет, по нашему мнению, один существенный недостаток: она никак не подкреплена текстом. В тексте поэмы буквально ни разу имя Дитриха не оказывается связано с «весельем», там не говорится ни о его сознательном стоицизме, ни об его попытках отвергнуть прах земной в духе Экклезиаста. Хьюго Беккер вообще склонен наделять персонажей поэмы мотивировками без всякой опоры на текст. В качестве примера приведем его знаменитое утверждение, что Брунхильда обиделась на Зигфрида и требовала его смерти именно потому, что он НЕ изнасиловал ее, на что имел бы право и возможность [4, р. 84-100]. В том же ряду находятся его попытки доказать, что Хаген был трусом, потому что вступал в бой не один, а с друзьями и дружиной; наоборот, несколько сотен гуннов, не посмеявшие напасть на него и его друга Фолькера, трусами вовсе не были – они просто были не вооружены (отправляясь на высоко оплаченное убийство!), поскольку, перечисляя их вооружение – щиты и шлемы, – автор поэмы не использует слова «мечи», и тому подобные находки, которыми изобилуют работы Беккера [Ibidem, р. 135-148]. Все это заставляет нас относиться скептически и к построениям исследователя относительно Рюдигера с его любовью к «веселью» и Дитриха с его погруженностью в философский стоицизм. К сожалению, в тексте нет никаких указаний на подобного рода эмоции и мотивации. Нет там ни доходящей до эксцессов любви Рюдигера к веселью, ни указаний на то, что горький житейский опыт Дитриха заставил его «уйти в себя». Подобные интерпретации балансируют на грани возможного – но не опираются на текст.

Дэвид Тинсли видит в образе Дитриха архетип «нежелающего героя» (*reluctant hero*), который вначале уклоняется от подвигов и приключений [14] – мотив, описанный в ряде работ по мифологии и культурной антропологии, в частности в знаменитой книге Джозефа Кэмпбелла «Тысячеликий герой» [2]. Тинсли добавляет в этот архетип своеобразное обоснование: он подчеркивает, что Дитрих – король-изгнанник, чужестранец в варварских землях – статус, который в средневековой германской литературе всегда был связан с отчаянием, печалью и одиночеством. Недаром в «Песне о Нибелунгах» бургунды во время переговоров с Этцелем называют себя «несчастливыми изгнанниками» – хотя, строго говоря, изгнанниками они не были, но их отчаянное положение горстки чужестранцев, окруженных армией врагов, автоматически наделяет их таким статусом. Изгнанника Дитриха, по мнению Тинсли, держит в стороне от развивающейся драмы именно его статус бесправного чужестранца и сопряженная с ним скорбь. И только смерть его дружинников-амелунгов, таких же изгнанников, как он сам, выводит Дитриха из состояния пассивности, и из «нежелающего героя» он превращается в «супергероя» [13, р. 45], чьи подвиги определяют исход конфликта.

Пожалуй, единственным исследователем, отказывающимся видеть в Дитрихе Бернском этакий «луч света в темном царстве», является американский германист Виндер МакКоннелл, который в своей монографии решительно заявляет: «Дитрих ничуть не больший представитель христианского рыцарства, чем Хаген. Он не воплощает в себе никакого “нового духа” и не символизирует надежду на будущее. Так же как остальные, он захвачен водоворотом событий, и так же как они, он не способен контролировать происходящее» [11, р. 57]. Авторы настоящей работы полностью согласны с этой точкой зрения и ставят перед собой задачу раскрыть ее подробнее, присовокупив собственные аргументы и опираясь на текст поэмы.

Начнем с анализа социального статуса нашего героя. Дитрих – готский король-изгнанник, нашедший покровительство при дворе владыки гуннов Этцеля. Он пользуется уважением всего двора и особой милостью короля – это видно из эпизодов, где именно он идет или сидит во время церемоний подле Этцеля. Опорой Дитриху служат амелунги – его личная боевая дружина, состоящая из рыцарей, последовавших за ним в изгнание. Верной службой гуннскому королю Дитрих Бернский надеется заслужить военную поддержку и вернуть себе утраченный престол в Италии (Берн – это современная Верона). Дитрих предстает перед читателем импозантной фигурой – это могучий воин, прославленный в боях и пользующийся моральным авторитетом. Он знает всех, и все знают его, его любит король и боится королева [3, с. 157].

Когда бургунды приезжают в Гран, Дитрих первый выходит им навстречу и предупреждает о ловушке, которую подстроила Кримгильда. Примечательно, что в отличие от кинематографических и драматургических переложений поэмы немецкими режиссерами и писателями в самой «Песни о Нибелунгах» Дитрих не называет Хагена и его королей убийцами – смерть Зигфрида давно забыта, Дитрих не высказывает никакого морального осуждения, а к Хагену относится как к старому другу – берет его под руку, прогуливается с ним, называет «надеждой Нибелунгов» и снова и снова предупреждает об опасности, так что попытки исследователей говорить о «моральном триумфе» Дитриха над бургундами не находят опоры в тексте поэмы.

Если бургунды и их предводитель Хаген пользуются у Дитриха только симпатией, то коварный замысел Кримхильды, наоборот, вызывает в нем негодование. Дитрих в лицо называет свою госпожу и королеву «*valandine*» – «дьяволицей»:

<p><i>Des antwurte ir mit zorne der hêrre Dietrich: ich binß, der hât gewarnet die edelen vürsten rîch und Hagnen den küenen, den Burgunden man. nu zuo, vâlandinne, du solt michs niht genießen lân</i> [6, S. 244].</p>	<p><i>Побагровев от гнева, ответил Дитрих ей: «И Хагена лихого, и знатных королей Предостерег по дружбе я и никто иной. Попробуй, ведьма злобная, расправиться со мной»</i> [3, с. 187].</p>
---	--

Но при всем том перед внимательным читателем встает вопрос: почему Дитрих, осведомленный о планах Кримхильды, не потрудился предпринять какие-нибудь более решительные шаги, чтобы предотвратить резню? Почему он просто-напросто не поставил обо всем в известность короля Этцеля? В конце концов, предупреждение бургундам было, по большому счету, бесполезным – они практически уже ничего не могли сделать, чтобы избежать катастрофы, разве что держать оружие наготове, тогда как Этцель, в чьи планы отнюдь не входило развязать войну с Бургундией, мог бы спасти гостей одним своим словом. Но Дитрих, поддавшись порыву, тотчас сдерживает себя – он не встает на защиту бургундов, не пытается открыть глаза Этцелю, его гневная реплика в адрес Кримхильды остается не более чем эмоциональной вспышкой, только обострившей напряжение [11, р. 56].

Нам представляется, что, став свидетелем первой стычки между Кримхильдой и Хагеном, Дитрих вдруг осознает, насколько высоки ставки. Он наблюдает, как сходятся эти двое в смертельном танго, как яростно оба жаждут драки, и чувствует, что здесь невозможно ни примирение, ни уступки – быть буре. И от эпицентра этой бури следует держаться как можно дальше, потому что лично сам он может оказаться только в проигрыше. Бездействие Дитриха – не плод нерешительности, как считает А. Гуревич [1, с. 91]. Более убедительной представляется точка зрения Р. Финча: «Дитрих эгоцентричен, и именно в свете собственных интересов он сохраняет так долго свой нейтралитет» [7, р. 55]. Действительно, начни Дитрих прямо заступаться за бургундов, и он сразу навлек бы на себя вражду королевы, к тому же не исключено, что в развернувшемся конфликте король Этцель не поддержал бы любимую жену. Выступление же на стороне Кримхильды означало репутационные потери, и без санкции Этцеля тоже вряд ли могло принести много дивидендов. Именно позиция нейтралитета позволяет Дитриху без ущерба для собственной славы и репутации избежать людских потерь, сохранить свою дружину и свой высокий статус, а также уважение обеих сторон. И поэтому Дитрих в тот момент, когда противостояние между королевой и ее братьями переходит в фазу активных боевых действий, громкогласно декларирует намерение оставаться вне схватки и тут же получает как от бургундов, так и от Этцеля желаемый иммунитет. Пользуясь полученной от Гунтера неприкосновенностью, он выводит из зала гуннскую августейшую чету, попутно зарабатывая себе очки и на этой стороне, и исчезает из повествования до самых последних эпизодов поэмы.

Потом происходит беда – его амелунги, его сородичи и опора, без разрешения Дитриха вмешиваются в бой и погибают все до одного человека. В живых остается лишь старый дядька Хильдебранд, который и приносит Дитриху ужасную весть. Больше Дитрих не может оставаться в стороне – «бургунды, перебив его дружинников, нанесли ему самый тяжелый ущерб, какой только возможно, потому что теперь ему не с кем восстанавливать свою власть над землей Амелунгов» [11, р. 56]. Дитрих отправляется навстречу Хагену и Гунтеру.

Следует отметить, что ни сдержанные манеры героя, ни то уважение, которое проявляют к нему остальные персонажи поэмы, ни его нейтралитет не снискали бы Дитриху единодушной любви критиков и славу «истинно христианского рыцаря», если бы не его знаменитый финальный поединок с бургундами. Перед вступлением в бой Дитрих предлагает двум героям сдаться и обещает свое покровительство – он даже берет лично проводить их в Бургундию. Когда Хаген гордо отказывается, Дитрих вступает с ним в бой и берет его в плен живым, затем пленяет короля Гунтера и передает обоим Кримхильде с условием, что она сохранит им жизнь. Поведение Дитриха из «Нибелунгов» кажется еще более благородным на контрасте с тем же эпизодом из норвежской «Саги о Тидреке», написанной под влиянием среднегерманской поэмы. В «Саге о Тидреке» герой начинает бой с Хагеном, не заговаривая о капитуляции, во время поединка расплавляет на противнике кольчугу и практически сжигает его заживо, что вынуждает Хагена прекратить сопротивление и сдаться [13, р. 201]. Во всей этой сцене Дитрих из «Нибелунгов», как представляется многим читателям и критикам [12; 15], проявляет истинно христианскую гуманность и милосердие к противникам. Но так ли однозначен этот эпизод, как кажется на первый взгляд? Точно ли именно Дитрих Бернский из «Нибелунгов», а не Дитрих из «Саги» проявляет гуманность? И что такое гуманность в контексте героической поэмы?

Посмотрим, как разывается повествование в поэме. Представ перед бургундами, Дитрих сразу начинает упрекать их в гибели своей дружины и требует компенсации за свою потерю. Примечательно, что здесь и речи не идет о смерти Зигфрида, о мести Кримхильды или об интересах короля Этцеля. Дитрих говорит только и исключительно об ущербе, который бургунды принесли лично ему, Дитриху Бернскому, и требует, чтобы убийцы искупили свою вину. Лишив Дитриха его дружины, они, по словам самого героя, превратили его в «*armer Dietrich*» – «обездоленного, бедняка». Слово «*arnt*» – «лишенный власти и положения» – указывает на драматическое падение статуса, а не на собственно материальные лишения [8, р. 142], и вот это падение престижа бургунды, по мнению Дитриха, должны возместить поступком, который восстановит утраченный престиж, – сдаться ему в плен. Текст поэмы не оставляет сомнений, что такой и только такой является мотивация мирных предложений Дитриха:

<i>Irn sult eß niht versprechen, sprach aber Dietrich. Gunther unde Hagene, jâ habt ir beide mich sô sêre beswæret, daß herze und ouch den muot, und welt ir mîchs ergetzen, daß irß vil billichen tuot</i> [6, S. 299].	<i>На это Дитрих молвил: «Не говорите так. Ведь по вине бургундов, хотя им был не враг, Всего лишился в жизни я с нынешнего дня, И долг ваш, Гунтер с Хагеном, вознаграждать меня»</i> [3, с. 244].
---	--

Дитрих делает все возможное, чтобы уговорить бургундских героев сдаться, он даже готов лично проводить их в Бургундию и тем самым отказаться от службы королю гуннов (справедливости ради следует заметить, что Этцель, потерявший все человеческие ресурсы, вряд ли к тому моменту может предложить своему высокородному вассалу много перспектив). Вместо благодарности за такое щедрое предложение Хаген Тронье отвечает с холодным негодованием:

<i>Nu ennuotet sîn niht mêre, sprach aber Hagene. von uns enzimt daß mære niht wol ze sagene, daß sich iu ergæben zwên alsô küene man. nu siht man bî iu niemen wan eine Hildebrande stân</i> [6, S. 300].	<i>Владелец Тронье бросил: «Не тратьте время даром. Здесь не возьмете пленных вы с Хильдебрандом старым – Постигнет нас бесчестье, коль разнесется слух, Что убоялись мы врагов, притом всего лишь двух»</i> [3, с. 244].
---	--

Не то чтобы бургунды были не в состоянии оценить милосердный жест – в эпизоде, где Рюдигер уступает Хагену перед боем свой щит, все свидетели этого великодушного поступка, включая свирепого Хагена, расстроганы до слез. Хаген сразу заявляет, что не будет сражаться с Рюдигером ни при каких обстоятельствах, а бургундские короли, от защиты которых их верный вассал только что отказался, не упрекают его ни словом, полагая, очевидно, что так и подобало вознаграждать Рюдигера за его милость. Не такова реакция Хагена на предложение Дитриха, которое явно представляется ему не великодушным, а унижительным: «Гневлюсь я, что в заложники вы взять хотели нас» [3, с. 245].

Начинается поединок, в ходе которого Дитриху удается нанести Хагену глубокую рану. Он принимает решение взять противника в плен живым, неожиданно разрывает дистанцию, кидается в рукопашный бой, опрокидывает Хагена на землю и связывает его. Причину своего решения сам Дитрих поясняет так:

<i>Do gedâht der hêrre Dieterîch: du bist in nôt erwigen; ich hâns lûtzel êre, soltu nu tôt geligen. ich wil eß sus versuochen, ob ich entwingen kan dich mir zeinem gîsel. daß wart mit sorgen getân</i> [6, S. 300].	<i>«Тебя, – подумал бернец, – усталость доконала. С тобой покончить просто, да чести в этом мало. Хочу я, чтоб достался ты, Хаген, мне живой, И ради этого рискну, пожалуй, головой»</i> [3, с. 246].
---	--

Современному читателю может показаться, что в приведенных строфах Дитрих рассуждает о том, что убивать израненного противника было бы бесчестьем. Однако в оригинале в строке «*ich hâns lûtzel êre, soltu nu tôt geligen*» («я бы имел мало чести, лежи ты мертвый предо мною») стоит слово «êre», означавшее в среднегерманском языке комплекс внешних индикаторов знатного воина – престиж, славу, богатство, атрибуты высокого происхождения [9, р. 149]. В отличие от современных представлений о чести, как пишет Фрэнсис Джентри, «в Средние века честь была преимущественно визуальным проявлением “внешнего” в человеке, нормативным для элит, особенно для рыцарей. Êre чаще всего было связано с понятиями “помпезный”, “шикарный” и относилось к внешним обстоятельствам, в которых существовал индивид» [10, р. 67-68].

Мы видим, что Дитриха беспокоит все тот же вопрос собственного престижа: не получив от бургундов компенсации в престижном эквиваленте, он ищет способ восстановить свое реноме. Коль скоро не удалось прославиться, став покровителем пленного короля, Дитрих прибегает к варианту «Б» и захватывает живыми могучих воинов, зарабатывая очки в копилку собственной репутации («никто еще доньше не брал таких знатных пленников» – подчеркивает он в разговоре с Кримхильдой). Каковы будут для Хагена и Гунтера последствия этого маневра, Дитрих прекрасно знает, не может не знать: для них попасть в плен живыми означает бесчестье, пытки и смерть. Напомним, что именно Дитрих предупреждал бургундов о замыслах королевы, ему лучше других было известно, что *Давно в ней жажда мести все чувства заглушила. // Вражду любой ценою разжечь она решила* [3, с. 189], что никакое примирение между ней и бургундами невозможно. Поэтому его мольба пощадить Хагена выглядит не более чем взяткой собственной совести:

<i>Dô sprach der hêrre Dieterîch: ir sult in lân genesen, vil edeliu kâneginne. eß mac vil wol noch wesen, daß iuch sîn dienst ergetzet, daß er iu hât getân: er sol des niht enkelten, daß irn gebunden sehet stân</i> [6, S. 301].	<i>В ответ герой промолвил владычице надменной: Прошу вас королева, чтоб жив остался пленный. Теперь его бояться причины больше нет. Пустькай живет и возместит вам причиненный вред</i> [3, с. 247].
---	--

Эта мольба выглядит тем более жалкой, что, во-первых, в тот момент вся военная мощь находилась в руках Дитриха, и захоти он реально сохранить пленникам жизнь, никто бы не мог ему помешать, во-вторых, никакой человек в здравом уме не смог бы поверить, что Хаген захочет искупать вину перед Кримхильдой верной службой или что Кримхильда примет такое искупление – сама абсурдность подобных аргументов показывает, что просьба Дитриха не более чем попытка «сохранить лицо», куртуазная вуаль, набрасываемая на действительность. Кримхильда, не раздумывая, соглашается – она не собирается выполнять свое обещание

и знает, что от нее этого всерьез и не ожидают. А Дитриху остается лишь, проливая слезы, наблюдать, как королева одного за другим убивает его пленников: отрубает голову родному брату, режет своими руками связанного Хагена, и наконец, ее саму в порыве гнева разрубает на куски дружинник Дитриха Хильдебранд. Так же как и король Этцель, Дитрих снова ни во что не вмешивается – он стоит в стороне и льет свои слезы.

Не так ведет себя Дитрих из «Саги». Он не унижает Хагена предложением сдаться, а сразу вступает в бой. Он берет противника в плен не потому, что хочет прославиться этим подвигом, а потому что израненный Хаген оказывается не в состоянии продолжать сопротивление, а Дитрих не хочет убивать своего друга. Но самое удивительное – Дитрих из «Саги» категорически отказывается выдать пленника Кримхильде! Зная, что того ждет в руках королевы, Дитрих отводит Хагена в свой дом и принимается лечить его раны [13, p. 202]. В «Саге» герой из рыцарской дружбы и гуманности отрешается от личных интересов – не выдавая королеве ее страшного врага, он, по сути, лишается покровительства гуннской короны, лишается надежд восстановить с помощью гуннов свои права на престол и даже рискует собственной жизнью. Ели кто-то и достоин имени «истинно христианского рыцаря», то это именно главный герой приключенческой «Саги о Тидреке», отнюдь не печальный Дитрих из «Нибелунгов».

Следует отметить, что ни автор поэмы, ни ее персонажи не осуждают Дитриха за его поступки и их мотивы. Альтруизм вообще не очень-то присущ персонажам поэмы – каждым из них движут соображения собственной выгоды, чести, престижа, славы, удовлетворения своих амбиций или эмоциональных потребностей. Дитрих, каким он предстает в нашей интерпретации, хотя и не является однозначно положительным и безупречным героем, не обрисован также и злодеем. Как и остальные персонажи, он преследует собственные цели и оказывается затянут в воронку губительной вражды и вышедшего из-под контроля насилия. Автор поэмы не связывает с ним надежды на будущее, как не видит в будущем вообще ничего, кроме разрушения и смерти.

Таким образом, как мы показали в данном анализе, образ Дитриха Бернского в «Песни о Нибелунгах» сложнее и более неоднозначный, чем предполагает традиционная оценка этого образа учеными-германистами. Дитрих в эпосе предстает как великий герой, но при этом не приходится говорить о нем как об идеальном христианине или о единственном положительном персонаже поэмы. Великому анонимному автору «Песни о Нибелунгах» вообще чужды одномерные идеологизированные образы, легко поддающиеся определению и каталогизации. В поэме Дитрих Бернский предстает как осторожный, хладнокровный политик, способный на живые чувства, например гнев или эмпатию, но в первую очередь преследующий собственные военно-политические интересы и ведущий с миром сложный счет репутационных потерь и приобретений.

Список литературы

1. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
2. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М.: ВАКЛЕР; РЕФЛ-БУК, 1997. 302 с.
3. Песнь о Нибелунгах / пер. Ю. Б. Корнеева. М.: Азбука-классика, 2012. 251 с.
4. Bekker H. The Nibelungenlied: a Literary Analysis. Toronto: University of Toronto Press, 1971. 178 p.
5. Bekker H. The Nibelungenlied: Rüdiger von Bechlaren and Dietrich von Bern // Monatshefte. University of Wisconsin Press. 1974. Vol. 66. № 3. P. 239-253.
6. Das Nibelungenlied / ed. H. de Boor // Deutsche Klassiker des Mittelalters. 17th ed. Wiesbaden, 1963. 330 S.
7. Finch R. G. Rüdiger and Dietrich // Trivium. 1977. Vol. 12. P. 39-57.
8. Gentry F. Arm // The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia. N. Y. – L.: Routledge, 2002.
9. Gentry F. Êre // The Nibelungen Tradition. An Encyclopedia. N. Y. – L.: Routledge, 2002. P. 149-150.
10. Gentry F. Key Concepts in the Nibelungenlied // A Companion to the Nibelungenlied. N. Y.: Camden House, 1998. P. 66-78.
11. McConnell W. The Nibelungenlied. Boston: Twayne Publishers, 1984. 141 p.
12. Nagel B. Das Dietrichbild des Nibelungenliedes // ZdPh. 1959. Vol. 78. S. 250-272.
13. The Saga of Thidrek of Bern / translated by E. R. Haymes. N. Y.: Garland, 1988. 279 p.
14. Tinsley D. The Face of the Foreigner in Medieval German Courtly Literature // Meeting the Foreign in the Middle Ages. N. Y. – L.: Routledge, 2002. P. 45-70.
15. Weber G. Das Nibelungenlied: Problem und Idee. Stuttgart: Metzler, 1963. 170 S.

ANALYSIS OF AN IMAGE OF LORD DIETRICH OF BERN IN “THE SONG OF THE NIBELUNGS”: AXIOLOGICAL APPROACH

Sarakaeva Elina Alievna

*Hainan Normal University, People's Republic of China
2698655292@qq.com*

Lebedeva Irena Valer'evna

*Caspian Institute of Sea and River Transport (Branch) of the Volga State University of Water Transport
irenalebedeva@mail.ru*

The authors compare the major medievalists' interpretations of an image of Dietrich of Bern in the epic poem “The Song of the Nibelungs” and propose some observations based on content-analysis and etymological analysis of the text. The paper argues that, contrary to the common interpretation of an image of Dietrich as the only positive personage of a “Song”, the author of the poem does not consider him as a conscience bearer and does not rank him above the other personages in the axiological or ethical perspective.

Key words and phrases: “The Song of the Nibelungs”; “Legends about Theoderic the Great”; lord Dietrich of Bern; Hagen von Tronje; Kriemhild; Etzel; honour; prestige; social status.